

Елена Арсеньева

Любящие братцы (Мария- Антуанетта, Франция)

*Часть сборника
Преступления страсти.
Коварство (сборник)*

Елена Арсеньева
**Любящие братцы (Мария-
Антуанетта, Франция)**
Серия «Преступления
страсти. Коварство»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161425

Коварство: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-24596-3

Аннотация

«Вот такую милую песенку распевали на улицах Парижа в смутные дни и ночи 1789–1793 годов, до тех пор, пока «красный революционный повар» не наточил-таки свой нож... вернее, пока знаменитый парижский палач Самсон не опустил лезвие гильотины на нежную белую шею французской королевы Марии-Антуанетты. Она была приговорена к смерти Трибуналом, который называл себя олицетворением народа...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Елена Арсеньева

Любящие братцы

(Мария-Антуанетта, Франция)

А вот Мари-Антуанетт,
Ее распутней в мире нет.
Продажные девицы —
Пред нею голубицы.
Чтоб утолить любви экстаз,
Троих мужчин зовет зараз.
А что же делают они?
Здесь нет большой загадки:
Под одеялом короля
Играют вместе в прятки.
А коли нет мужчин вокруг
И Полиньяк¹ не с ней,
Она займет своих подруг
Забавой посрамней.
«Французские штучки» —
Скромней этой сучки,
Которая ждет кобеля,

¹ Жанна де Полиньяк – фаворитка королевы Марии-Антуанетты; молва приписывала им противоестественную связь.

Все шлюхи Парижа
На голову ниже
Законной жены короля.
Вот эту паскуду —
В короне покуда —
Мы выгоним вон из страны.
Пусть ведьмы к себе на шабаш приглашают
Любимую дочь сатаны.
Австрийскую квочку,
Испортив ей ночьку,
К родне отвезет батальон.
А коль не захочет —
Нож повар наточит
И сварит отличный бульон.

Вот такую милую песенку распевали на улицах Парижа в смутные дни и ночи 1789–1793 годов, до тех пор, пока «красный революционный повар» не наточил-таки свой нож... вернее, пока знаменитый парижский палач Самсон не опустил лезвие гильотины на нежную белую шею французской королевы Марии-Антуанетты. Она была приговорена к смерти Трибуналом, который называл себя олицетворением народа.

Народ ненавидел королеву-австриячку, как ее прозвали презрительно. Однако возникла эта ненависть не сама по себе. Королева была не зла – она была неразумна и легкомысленна, не более того. И ненависти не заслуживала. Ненавидеть ее научили народ два человека... О нет, вовсе не ка-

кие-нибудь замученные непосильным трудом ремесленники или крестьяне – два преуспевающих аристократа, проводившие жизнь в роскоши и безделье. Они носили высокие титулы. Один был кузеном короля, другой – его родным братом. Можно сказать, родственники королевы.

И вот такую родственную услугу они ей однажды оказали – предали ее на расправу черни, а заодно предали свой класс, свою страну... да и самих себя.

Как это произошло? С чего и когда началось?

Да с того самого дня 16 мая 1770 года, когда французский дофин, то есть наследный принц, Людовик, сын короля Людовика XV, взял в жены принцессу Марию-Антуанетту, дочь австрийской императрицы Марии-Терезии.

Принцесса была обворожительна. Голубые глаза, пепельные волосы, роскошный бюст (несмотря на юный возраст, ведь ей всего пятнадцать, а что дальше-то будет!), тонкая талия, легкая походка, а главное – сияющее, радостное выражение готовности к счастью на лице. Именно оно очаровывало куда больше, чем даже красота.

Принцесса всем полюбилась сразу. В Страсбурге глава магистрата из любезности обратился к ней по-немецки, но она прервала его:

– Не говорите больше по-немецки, мсье. С сегодняшнего дня я понимаю лишь по-французски.

Этими словами она покорила народ Франции. Ну да, тот

самый народ, который через двадцать лет...

А впрочем, не будем забегать вперед.

Итак, Мария-Антуанетта, словно райская птица, спорхнула на плечо (выражаясь фигурально) французского принца – долговязого и сутулого, с приятным, но несколько унылым, хотя и, безусловно, аристократическим лицом, и, полное ощущение, начисто лишённого темперамента. В том, что молодожены – небо и земля, можно было убедиться при их первом поцелуе, происшедшем публично, когда красотка Туанетта только ступила из своей кареты на французскую землю. Встречавший ее дофин приблизился, они поцеловались. Причем принцесса покраснела, а он – побледнел.

Люди, знающие толк в любовных делах, обменялись понимающими взглядами. Ведь известно: если мужчина бледнеет при первом поцелуе с женщиной, толку от него в постели нет и не будет.

Впрочем, не требовалось быть знатоком любовной психологии и таинственных примет, чтобы угадать: избытком темперамента Людовик не отличается. Ведь у шестнадцатилетнего наследного принца еще не было ни одной любовницы! Какой кошмар! И даже на попытки придворных дам заняться его фривольным образованием (дело, кстати, при французском дворе обычное, да и не только при французском) он всегда отвечал не вежливым отказом (отказ был бы еще понятен, дама, скажем, не нравится, потому что у нее, к примеру, слишком духи резкие, талия не очень тонкая, а бюст

не столь пышный, как хотелось бы, а цвет платья вызывает раздражение... да мало ли причин!), а полным непониманием того, что от него хотят.

– Принц безнадежен! – решили декольтированные педагогессы и отстали от него.

А между прочим, привить некоторый опыт юноше до того, как он взойдет на ложе к жене, совсем даже неплохо. Ведь иначе ей придется быть объектом его неумелых ласк, и кто знает, не отобьют ли они у нее вообще охоту заниматься любовью.

– Держу пари, наш Луи крошке Туанетте не понравится, – ухмыльнулся один из блестящих молодых господ, принимавших участие в венчальном обряде.

Стоявший рядом с ним кавалер облизнулся.

Третий вздохнул с робкой надеждой.

Первого собеседника звали Луи-Филипп-Жозеф, герцог Шартрский. Он принадлежал к роду герцогов Орлеанских, потомков знаменитого Филиппа Орлеанского, младшего брата, короля-солнце, Людовика XIV. Герцоги Орлеанские всегда мечтали сменить свой титул на королевский, они традиционно находились в оппозиции королю, а значит, и ближайшему наследнику. Проще сказать – терпеть не могли ни того, ни другого.

Сходные чувства питали к дофину и двое других кавалеров, хотя приходились ему не кузенами, а родными братьями. Один из них звался Людовик-Франсуа-Ксавье, граф

Прованс, второй, самый младший из принцев, – Карл-Август, граф д'Артуа. Они тоже потихоньку мечтали о престоле – старший больше, поскольку был честолюбив, младший меньше, поскольку был добродушен, романтичен и, единственный из всех братьев, красив.

Но сейчас всех трех собеседников обуревала вовсе не зависть к титулу наследного принца, а лютая ревность. Все трое с первого взгляда влюбились в обворожительную австриячку, и теперь каждый отдал бы полжизни за то, чтобы нынче ночью очутиться в ее постели.

Впрочем, нет, граф д'Артуа лелеял мечты более возвышенные – он хотел бы сначала осыпать Туанетту цветами, а уж потом... может быть... после вихря нежнейших поцелуев...

Граф Прованс был юноша более реалистический. Он желал Туанетту, как может мужчина хотеть женщину, однако сперва намеревался поразить ее блеском своего ума и образованности.

А вот Шартр хотел бы иметь ее вульгарно и грубо, как он привык обходиться с женщинами. Даже проститутки чуврались его! Хронист Маре описывал его подвиги так: «Наконец-то герцог Шартрский посетил Бриссодиху². Когда он появился в ее заведении, она предоставила ему самый лакомый кусочек, который имела. Эта честь выпала девице Лавинь по прозвищу Дюрансон. Она занялась его светлостью, и

² Прозвище содержательницы знаменитого публичного дома тех времен.

они расстались только после третьей попытки. Благородный господин казался очарованным и дал ей пятнадцать лун. Он сказал хозяйке, что хотел бы продолжить скачки, но девушка отказалась. Она нашла юношу ужасно грубым в его ласках, в нем не было никакой утонченности, и он ругался, как трактирщик. Многие девицы потом подтверждали это мнение; все свидетельствовало о том, что герцог будет грязным развратником».

Ожидания подтвердились самым блестящим... вернее, самым неприглядным образом. Слухи о похождениях Филиппа Шартрского были скандальны и непристойны. Современники таким образом описывали его фантазии:

«Грубость молодого герцога вскоре стала такой непомерной, что многие жрицы любви просто отказывались иметь с ним дело, в ужасе от его манер. Отверженный проститутками, несчастный мог искать утешения только у актрис и светских женщин. Вместе с шевалье де Куаньи, герцогом де Фронзаком, графом де Безенвалем и графом д'Осмоном он давал улице Сен-Лазар ужины, где были позволены любые эскапады. Однажды вечером во время такого ужина-сюрприза Филипп приказал подать своим гостям огромный слоеный пирог.

«Кондитер, – сказал он, обращаясь к собутыльникам, – положил в этот пирог такой лакомый кусочек, который оживит самых привередливых гурманов... Вы любите перепелов? Мой повар заверил меня, что мы найдем внутри самую

аппетитную, самую сочную перепелочку в мире». (Заметим в скобках, что тогда были в моде маленькие пухленькие женщины, которых называли «перепелочками».)

И он хлопнул в ладоши. Внезапно корка пирога отлипла, и прелестная пятнадцатилетняя блондинка, совершенно голая, по свидетельству Пьера Нодена, выскочила, как чертик из табакерки, «из своего маленького печеного домика, в котором пряталась». Выскочив на ковер, она пробежала через комнату, «крутя попкой и трясая грудью». Все присутствующие с вожделением смотрели на малышку, и герцог счел нужным пояснить, что, конечно, все будут иметь право испробовать ее, но, «чтобы быть уверенным, что гостям подано достойное блюдо, он намерен вначале сам его попробовать».

В комнате раздался ропот недовольства.

– Не нужно спорить, – сказал, улыбаясь, герцог, – я обращаюсь с вами так же, как обращаются в Версале с королем.

Филипп имел в виду знаменитую «пробу», меру предосторожности, бывшую в ходу при дворе много столетий. Монархи так боялись яда, что требовали, чтобы блюда оставались всегда накрытыми, дабы никто не смог ничего в них подсыпать или подлить, «чтобы невозможно было употребить яд». Кроме того, перед тем как подавать любое блюдо государю, специальный кухонный офицер должен был попробовать его. Если через несколько минут он был все еще жив, «продукт» несли королю. Если же офицер умирал в страшных муках, еду выбрасывали. Этот простой метод позволял

подавать королю на стол только совершенно проверенную еду.

«Проба», предложенная Филиппом, преследовала другую цель. И граф де Безенваль позволил себе заметить со свойственной ему искренностью и прямотой:

– Я хотел бы покорнейше напомнить вам, что тот офицер никогда не «перчил» еду на королевской кухне.

Его острота вызвала смех присутствующих. (Поговаривали, что герцог Шартрский, посещавший самые грязные и подозрительные притоны, подцепил некоторое время назад дурную болезнь и – как говорили в то время – был «наперчен».)

Филипп совершенно не рассердился. Напротив ответил такими гнусными шутками, которые являлись свидетельством прекрасного расположения духа.

Потом он усадил девочку у своих ног и потребовал от нее смешных мелких услуг...

Распалившиеся сотрапезники нетерпеливо ерзали в своих креслах.

– Не волнуйтесь, вы там, стадо свиней, – любезно бросил им герцог. – Я предоставлю в ваше распоряжение гарнир к этому пирожку.

Он похлопал в ладоши. Дверь тотчас открылась, и лакей впустил в комнату полдюжины девиц из Оперы, совершенно голых. Им было от восемнадцати до двадцати пяти лет, и они были, конечно, не так свежи, как первая девушка, но,

безусловно, столь же порочны.

И оргия началась...»

Вот так-то...

К женщинам – всем женщинам вообще, проституткам и светским дамам – Филипп относился одинаково: с презрением. Но к некоторым из тех, кого он мог заполучить в свою постель (в том числе и к собственной жене, смиренной Марии-Аделаиде), Шартр испытывал снисходительное презрение, к другим – тем, которых иметь он не мог, – презрение, смешанное с ненавистью. Именно это чувство – ненависть – и вызвала у него Мария-Антуанетта, потому что он, опытный потаскун, немедленно понял, что ему здесь ничего не отломится.

Бог его знает, почему эта женщина и этот мужчина – она была, напомним, красавица, да и Шартр внешне парень хоть куда! – с первого взгляда так невзлюбили друг друга, что даже не давали себе труда свою неприязнь скрывать. Но уж не в ту ли минуту и было положено начало цепочке событий, которые в конце концов доведут их обоих до эшафота?

На братьев супруга своего Мария-Антуанетта смотрела куда благожелательней. Некоторые наблюдатели усмотрели даже чрезмерный интерес в тех взглядах, которые она на них бросала. Но уж это чепуха, право слово!

Ладно, еще графом Провансом Туанетта могла бы нездорово увлечься, но Карлом д'Артуа, бывшим младше ее почти на два года, тринадцатилетним юнцом, – вряд ли. Во вся-

ком случае, в первые дни ее пребывания во Франции. А уж потом обстоятельства складывались так, что могла бы, да. И виноват тут был вовсе не распутный нрав принцессы (довольно-таки затруднительно вырасти распутной под строгим материнским оком императрицы Марии-Терезии!), а ее собственный супруг.

Спустя несколько лет, когда Марии-Антуанетте приписали и Прованса, и Артуа, и Алекса Ферзена, и многих других мужчин, а также женщин, находились среди придворных дам особы справедливые, которые честно признавались:

– Даже если королева и наставляет рога королю, тут одно можно сказать: я бы на ее месте сделала это куда раньше.

Да уж... Да уж!

Архиепископ Реймский явился окропить святой водой ложе новобрачных принца и принцессы, а потом все вышли. Мария-Антуанетта сидела в постели и с изумлением наблюдала, как ее молодой супруг тоже выходит из спальни... Странно, может быть, вернется? Нет, не вернулся, так что эту ночь, как и многие, ох, очень многие последующие Мария-Антуанетта провела одна. А Людовик на следующий день записал в дневнике: «Ничего». То же самое слово он мог бы писать и впоследствии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.